

18+

Элиас Гримм

АНТОЛОГИЯ УЖАСА
ТОМ 4

Элиас Гримм

Антология Ужаса. Том 4

«Издательские решения»

Гримм Э.

Антология Ужаса. Том 4 / Э. Гримм — «Издательские решения»,

«Антология ужаса. Том 4» — погружение в бездну страха: от зловещей тишины отдалённых мест до мистических тайн. Истории о том, как отчаяние рождает чудовищ, а любопытство впускает в мир нечто непоправимое, где страх — не чувство, а приговор. Антология содержит книги: «Пределы тьмы», «В Глубине Леса», «Когда Замолчали Голоса».

© Гримм Э.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДЕЛЫ ТЬМЫ	6
ПЛОТЬ И СВЕТ	6
ОДЕРЖИМЫЕ	13
СЕВЕРНЫЙ ПРЕДЕЛ	18
ЛИК ПРОКЛЯТЫХ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Антология Ужаса. Том 4

Элиас Гримм

© Элиас Гримм, 2026

ISBN 978-5-0071-2753-0 (т. 4)

ISBN 978-5-0068-6367-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДЕЛЫ ТЬМЫ

ПЛОТЬ И СВЕТ

В маленькой квартире, пропахшей сырой землей и картами, жизнь Симоны и Моники текла в ритме, который чуждым казался стороннему наблюдателю. Их мир не вращался вокруг бытовых забот, а вокруг абсолютной, первобытной пустоты под ногами. Симоне, в свои сорок девять, принадлежала мудрость скал. Монике, двадцатилетней, доставался чистый, неутолимый голод первооткрывателя.

Они были спелеологами-любителями, но их пристрастие граничило с одержимостью. Пока другие искали вершины, они искали невидимые глубины. Их стены были увешаны не дипломами, а диаграммами замысловатых лабиринтов, прорезанных водой в теле планеты.

В тот вечер, когда их обычная рутина была разорвана, Симона сидела за экраном монитора. Она не искала — она прочесывала. Старые, забытые интернет-форумы, оцифрованные архивы местных краеведческих обществ, куда редко кто заглядывал, предпочитая проверенные маршруты.

«Моника, иди сюда. Быстро,» — голос матери был ровным, но в нем звенела струна, которую дочь знала как предвестник великого открытия.

На экране светилась заметка, датированная еще началом девяностых. Она содержала лишь отрывочные сведения о «Заточенной Игле» — пещере, о которой не было ни одной современной записи. Говорили, что это был вертикальный провал, который «уводит куда-то, где нет света и нет возврата». Идеально.

«Это она, дочка. На карте и в архивах ничего нет связанного с этим местом,» — Симона провела пальцем по старому выцветшему снимку на экране монитора, где виднелся лишь неровный провал, заросший папоротником.

Моника подошла ближе, чувствуя, как по позвоночнику разливается знакомый электрический разряд. «Мы можем уложиться в три дня. Проверим, закартографируем и вернемся.»

Их запасы были рассчитаны с педантичной точностью: три дня интенсивной работы, три дня жизни. Энергетические батончики, спрессованные так, чтобы давать максимум калорий при минимальном весе; сублимированные овощи и литры воды. Никаких излишеств. В глубине они всегда полагались на свою логику, а не на удачу.

На рассвете следующего дня они стояли у кромки леса, где среди мокрого вереска зияла «Игла». Вход был именно таким, как на фото — устрашающим, узким, больше похожим на рану в земле.

Симона, как всегда, проверяла снаряжение дочери, потом свое.

«Свет должен быть твоим единственным законом, Моника. Не отходи от меня. Если я говорю „нет“, ты слушаешь. Мы не ищем приключений, мы ищем знание.»

«Слушаюсь, Капитан,» — улыбнулась Моника, надевая каску.

Спуск начался с лебедки, а затем перешел в ползание. Первые метры были адом для тела: ребра скрежетали о известняк, кожа моментально покрывалась ссадинами. Они ползли, протискивались, иногда им приходилось выдыхать весь воздух, чтобы проскользнуть в каменные тиски. Симона проталкивала ноги дочери, Моника следила за тем, чтобы снаряжение матери не застряло в расщелине.

Они шли полдня, и пещера послушно раскрывала свои тайны: причудливые сталактиты, похожие на застывшие слезы гигантов, и подземный ручей, давший им первую драгоценную влагу. Их походный журнал заполнялся быстрыми, точными набросками.

«Надеюсь, мы прошли дальше, чем кто-либо,» — прошептала Симона, фиксируя координаты на выступе. — «Это наш мир сейчас.»

Они двинулись дальше, где воздух был тяжелым, насыщенным минералами. Моника только успела зафиксировать на стене новую метку, как тишина треснула.

Это был яростный, режущий звук, идущий от самого основания земли. Камни посыпались сверху, и фонари заплясали, отбрасывая безумные тени.

Симона успела лишь крикнуть: «К стене!»

Секунда. Затем наступил оглушительный, окончательный грохот.

Когда Моника открыла глаза, она лежала под тонкой коркой пыли. Фонарь, пристегнутый к каске, освещал обвал. Узкий лаз, через который они только что проползли, теперь представлял собой сплошную стену из валунов. Путь назад исчез, будто его никогда и не существовало.

В этот момент восторг открытия сменился ледяным ужасом. Они были погребены.

Симона тут же включила холодный, деловой режим, который всегда спасал их в передрягах. «Тихо. Дышим. Оцениваем ущерб. Мы не заблокированы полностью, Моника. Это не тупик. Это новый путь.»

Их запасы, рассчитанные на три дня возвращения, теперь должны были растянуться на неопределенное время движения вперед. В темноте, их единственной надеждой оставалась та не отмеченная, манящая бездна, что уводила всё глубже.

После того как первый приступ паники отступил, его место заняла вязкая, тяжелая реальность. Завал был не просто препятствием; он был приговором, вынесенным стенами пещеры. Симона провела оценку: обломки были слишком плотными, а камни слишком большими, чтобы их можно было сдвинуть одним или даже десятью людьми. Возвращение было аннулировано.

«Мы должны двигаться вперед,» — заявила Симона, и её голос, усиленный акустикой грота, звучал до странного уверенно. — «Радиус обвала не достиг стен. Мы пропустили какой-то разлом или старый водосток. Мы идем только вперед и вниз. Это закон геологии: вода всегда находит выход.»

Началась новая экспедиция, превратившаяся в бегство от неминуемой смерти. Их трехдневный рацион теперь должен был стать буфером на неизвестный срок.

Первые сутки после обвала прошли на чистом адреналине. Моника и Симона двигались как единый организм. Они экономили свет, используя фонари только для маркировки и осмотра. Они находили узкие проходы, где приходилось буквально выдавливать себя сквозь каменные сита, и каждый пройденный метр ощущался как победа, купленная за счет последних сил.

Но пещера не желала делиться своими секретами легко. Она уводила их всё ниже. Атмосфера стала тяжелой, насыщенной углекислым газом, отчего голова постоянно болела, а каждое движение требовало титанических усилий.

На четвертый день, который должен был стать днем их возвращения к солнцу, наступил голод. Это было не просто урчание в животе, а тупая, пульсирующая боль, которая начинала управлять их мыслями. Они разделили последний энергетический батончик, разломив его на микроскопические доли.

«Нам нужно двигаться быстрее,» — сказала Моника, её голос звучал уже не с энтузиазмом, а с отчаянной мольбой.

Симона, всегда рациональная, впервые допустила трещину в своей броне. «Скорость не спасет нас от истощения. Мы должны быть экономны.»

На пятый день наступило первое испытание их ментальной стойкости. Запасы воды закончились. Единственное, что они могли собирать — это влага, которую они тщательно слизывали с самых холодных участков сталактитов, теряя драгоценные калории в процессе.

Напряжение росло. Пещера стала для них тюрьмой, чьи стены казались не статичными, а медленно смыкающимися. Моника, чья физическая выносливость была ниже, чем у матери, начала срываться.

«Мы идем по кругу, мам! Я видела эту трещину два часа назад! Мы просто спускаемся в могилу!» — выкрикнула она, её фонарь бил нервными лучами по стене.

«Нет!» — рявкнула Симона. — «Ты устала. Ты видишь то, что хочешь видеть. Мы идем ровно на юго-восток, как показывали мои расчеты по наклону. Сосредоточься!»

Но Симона тоже лгала. Её расчеты были основаны на предположении, что пещера имеет хотя бы минимальную структуру. Здесь же царил хаос. Они шли по лабиринту, который, казалось, был спроектирован божеством, питающимся отчаянием.

К концу седьмого дня они едва двигались. Моника чувствовала, как её конечности становятся чужими, как тело отключает ненужные функции. Она видела, как угасает сила в глазах матери, как некогда стальной взгляд становится мутным. Они шли в абсолютном, гнетущем молчании, прерываемом лишь хриплым дыханием и звуком скребущихся о камень ботинок.

Каждый шаг был актом воли, отнимающим последние резервы разума.

Восьмой день в пещере не принес ни солнца, ни облегчения, а лишь новый уровень физического истощения, который действовал как катализатор для фатальных ошибок. Моника и Симона больше не говорили о спасении; они говорили только о следующем метре пути. Их голоса стали тихими, почти шепотом, чтобы не тратить драгоценный кислород и энергию.

Они оказались в большом проходе, который Моника окрестила про себя «Зал Ожидания» — он был шире предыдущих проходов, но его дно резко уходило вниз, будто гигантский каменный желоб. Низ был неровным, покрытым скользкой глиной.

Симона, всё ещё ведомая своей материнской необходимостью защищать и вести, решила проверить, насколько крут склон.

«Я иду медленно,» — прошептала Симона. — «Веревка держит. Если я почувствую пустоту, я лягу и закреплюсь.»

Моника кивнула, вцепившись в свой карабин. Она наблюдала за единственным источником света — фонарем матери, который медленно, будто нехотя, перемещался по стене зала. Движение Симоны было неестественно замедленным, каждый шаг — взвешенным ритуалом.

Симона сделала шаг. Затем еще один. Она прошла туда, где стена казалась самой надежной, где потеки воды создали неровный, но кажущийся прочным карниз.

Именно в этот момент природа решила нанести последний, жестокий удар. Это не было землетрясение, а лишь медленное, предательское движение породы. Камень под ногой Симоны не выдержал веса.

Моника увидела лишь, как свет фонаря Симоны резко отклонился от горизонтальной плоскости. Она услышала резкий, влажный звук срывающегося тела, за которым последовал короткий, тупой удар о твердое дно пропасти.

«Мама, ты в порядке?!» — вскрикнула Моника, но эхо лишь вернуло ей этот вопрос.

Она не могла поверить. Симона, её скала, её проводник, её знание — лежала где-то внизу, во тьме, куда не доставал даже луч фонаря.

Моника потратила полчаса, которые показались ей вечностью, на спуск. Её руки были изранены до мяса, но боль была далекой, приглушенной.

Когда её ботинок коснулся дна, она направила луч света. Картина была ясной и ужасной. Симона лежала, неестественно вывернутая, её голова повернута в сторону, невозможную для живого человека. Шея была сломана. Никакого движения. Никакого дыхания.

«Нет,» — прозвучало в абсолютной тишине.

Моника опустила на колени рядом с телом. Она проверила пульс, хоть и знала, что это бессмысленно. Холодная, твердая кожа. Она обхватила голову матери руками, и впервые за неделю позволила себе плакать.

Когда рыдания закончились, её глаза открылись в темноте. Фонарь, поставленный на землю, освещал две фигуры: мертвую мать и живую, но совершенно потерянную дочь.

Именно тогда, когда логика последних дней иссякла, пришла новая, более древняя логика. Голод. Теперь он был не просто хищником; он был единственным оставшимся спутником.

Она осталась одна в абсолютной тьме, с единственным, ужасающим ресурсом, который мог продлить её существование. Выбор теперь стоял перед ней, освещенный единственным лучом фонаря. Жизнь или смерть.

Наступила тишина, которая была тяжелее самой скалы. Моника сидела, прислонившись к холодной, неподвижной плоти Симоны. Свет её налобного фонаря выхватывал из абсолютной черноты лишь искаженный профиль матери — той, что ещё час назад была её наставницей, её единственной опорой в этом подземном мире.

Смерть Симоны была актом жестокой иронии. Она погибла, будучи на шаг впереди, как всегда, но теперь этот шаг увел ее прочь от дочери навсегда.

Первые часы Моника чувствовала только чудовищную, всепоглощающую неверность бытия. Её руки, покрытые ссадинами, машинально обнимали тело, пытаясь вернуть тепло, которое утекало в камень.

Она думала о том, что их любовь была соткана из общего преодоления, из взаимного уважения к опасности. И теперь, чтобы почтить эту любовь, она должна была совершить нечто, что обесчестило бы саму основу их отношений.

В сознании Моника возникали образы: Симона, смеющаяся на поверхности, Симона, делящая последнюю крошку сухого хлеба. «Мы люди, Моника. Мы ищем истину, а не инстинкт. Спуск в пещеру — это акт разума, а не животного отчаяния. Если ты пересечешь эту черту, ты не просто выживешь; ты сотрешь себя. Ты станешь чудовищем.»

Мораль была крепостью. Умереть здесь, рядом с матерью, было бы последним актом верности. Это было бы тихое, чистое завершение. Она могла бы просто закрыть глаза, перестать бороться с холодом, и слиться с этим камнем, став частью той древней тайны, которую они искали.

Но другая сила, упрямая и отчаянная, боролась с этим святым чувством. Это был не её собственный голос; это было эхо воли Симоны.

«Я дала тебе жизнь, чтобы ты ею распорядилась, а не похоронила ее из суеверия. Ты — продолжение меня. Если ты умрешь, значит, мой страх за тебя оказался сильнее моей веры в тебя. Это выживание — не для тела, Моника. Это — сохранение моего вклада в мир. Ты должна нести мое знание, мой опыт, мою память дальше.»

Собственный желудок Моника издал резкий, болезненный спазм. Это был грубый, животный упрек. Голод, теперь уже не просто желание, а физическая агония, заставлял её рационализировать ужасное. Если бы Симона была жива, она бы приказала дочери жить. Она бы позаботилась о том, чтобы её последняя жертва не была напрасной.

Моника провела пальцами по лицу матери. Она больше не видела Симону, она видела только объект, который мог дать ей еще один день, еще один час, шанс увидеть синий купол неба. Этот объективирующий взгляд был самым болезненным: она вынуждена была лишить свою мать последнего уважения, чтобы обменять его на свое продолжение в этом мире.

«Прости меня, Мама,» — прошептала она. Это было не извинение за то, что она собиралась сделать, а извинение за то, что она вообще смогла это обдумать.

Внезапно, решение не принесло облегчения. Оно принесло лишь гнетущую, тяжелую тишину. Моника почувствовала, как нечто внутри неё необратимо сместилось, как рухнет фундамент, на котором строилась её личность. Она не стала чудовищем, как боялась; она стала выжившей, а эта категория требовала таких сделок, о которых не пишут в книгах по этике.

Она подняла свой нож. Движение было ровным, механическим, лишенным всякого трепета. Это была не Моника, совершающая этот акт; это была тень, ведомая необходимостью, запертая в теле, которое теперь несло две жизни — свою и ту, что она предала ради нее.

Она посмотрела в темноту, которая поглотила свет фонаря, и поняла: она выиграла время, но проиграла себя.

Когда работа была завершена, Моника больше не почувствовала голода. Тело, которое ещё минуту назад было наполнено ледяным отчаянием, теперь было наполнено топливом, которое она не заслужила.

Она аккуратно завернула останки Симоны в запасную, чистую часть защитного чехла, который они брали для деликатных образцов. Это был последний, безмолвный акт погребения в этой подземной часовне. Она не могла оставить мать здесь, в этом безвременье, но и тащить её дальше было невозможно. Она оставила тело в самой глубокой, самой защищенной нише, осветив его фонарем — последним маяком поклонения, прежде чем двинуться вперёд.

«Я буду жить, чтобы нести тебя в своей памяти и твою жертву,» — прошептала она, поднимаясь.

Моника продолжила путь, но она уже не была спелеологом. Она стала чем-то более стойким. Время потеряло всякое значение. Дни и ночи слились в бесконечный цикл: спуск, ползание, движение вперед.

Её фонарь светил тускло, экономя батареи, и мир превратился в туннели, освещенные лишь желтым кругом, который она тащила за собой. Она больше не фиксировала маршрут; она просто двигалась, полагаясь на еле уловимые гравитационные наклоны, интуитивно выбирая пути, которые вели вперёд.

Питание давало ей возможность двигаться, но не возвращало радости или ясности. Моника ощущала себя марионеткой, управляемой чужой волей и чужим топливом. Она говорила мало, в основном с тенью Симоны, которая неслась впереди её мысли, невидимая, но всегда присутствующая.

Её мысли были сфокусированы на одной задаче: Продолжать движение, пока есть топливо.

Физическое истощение было ничто по сравнению с тяжестью её секрета. Она носила его не в рюкзаке, а под кожей. Каждый вдох, каждый глоток этой спасительной силы был напоминанием о ее выборе.

Она обнаружила, что теперь она смотрит на мир иначе. Если раньше она видела красоту в симметрии сталактитов, то теперь она видела лишь материю, ресурс, который может быть использован. Она смотрела на мертвых насекомых в паутине и её мозг мгновенно начинал рассчитывать: Калории.

Это знание, эта способность оценивать любую вещь с точки зрения её пригодности для выживания, была её самым страшным трофеем. Она знала, что, если её спасут, этот инстинкт останется с ней. Этот хищник, рожденный в темноте, не уйдет, когда появится свет.

Моника потеряла счет неделям. Она перестала ориентироваться по усталости, ибо усталость стала её постоянным состоянием. Она забыла, как выглядит прямой угол. Мир стал вереницей наклонных поверхностей и неровных переходов.

Иногда, когда её фонарь начинал мигать, ей казалось, что она слышит голоса — не Симоны, а какие-то древние, булькающие звуки, будто сама пещера смеялась над тем, как легко она сломала человеческий закон.

Но где-то глубоко, под слоем отчуждения и отвращения к самой себе, жила крохотная искра — та, что заставила её сделать выбор. Эта искра несла в себе отголосок материнской гордости. И именно эта искра заставляла её ползти дальше, даже когда разум шептал, что она уже давно мертва.

Она ползла в абсолютной, всепоглощающей уверенности, что, если она найдет выход, она уже никогда не будет той Моникой, которая спускалась в эту пещеру. Она будет существом, рожденным из абсолютного нуля, выкованным в плавилине экзистенциального ужаса.

И вот, когда её запасы, возобновленные ужасной сделкой, почти иссякли вновь, когда сознание начало распадаться на бессвязные образы, её фонарь моргнул в последний раз и погас.

Это было не просто отключение прибора; это было насильственное изгнание из привычной реальности. Моника, ослепшая в полной темноте, не могла пошевелиться. Её тело, привыкшее к желтому ореолу фонаря как к якорю, замерло в ступоре.

В этот момент без света, когда все внешние ориентиры исчезли, борьба с самой собой обострилась до предела. Это был последний, самый яростный бой с остатками старой Моники.

Без света не было работы, не было движения — только ожидание. И в этом ожидании разум Моника принялся за самое изощренное самоистязание. Она не могла отстраниться от своего поступка; он стоял перед ней в темноте, осязаемый, как дыхание Симоны, которое она чувствовала в последнюю ночь с ней.

Она прокручивала в голове не само событие, а свои рассуждения. Она помнила, как логически обосновала свое решение, как выстроила мосты между «необходимым злом» и «любовью к матери». И именно эта рационализация была самым отвратительным. Она, двадцатилетняя девушка, совершила акт, который тысячами служил маркером абсолютного расчеловечивания, и оправдала его... любовью.

«Ты — монстр,» — прошептал внутренний судья.

«Я должна была выжить, любой ценой,» — безвольно отвечала Моника, чувствуя, как её горло сжимается от напряжения.

Она провела несколько часов в полной неподвижности, балансируя на грани сна и безумия. Это было время, когда она могла бы легко сдаться, просто позволить телу остыть. Но что-то удерживало её. Возможно, это было отвращение к смерти, которое стало теперь сильнее отвращения к совершенному деянию. Или, может быть, это была та самая, хрупкая искра, которая требовала, чтобы цена была оплачена не только моральным падением.

Когда оцепенение начало спадать, а холод стал невыносимым, Моника поняла, что должна двигаться. Не ради спасения, а ради того, чтобы закончить.

Она медленно, в кромешной темноте, по памяти, вернулась к телу Симоны. Она действовала на ощупь.

Каждое движение было насилием над её собственным рассудком, но Моника применила ту же бездушную, спелеологическую точность, которой когда-то гордилась Симона. Она действовала так, словно это был не человеческий останок, а сложный геологический образец, требующий деликатного извлечения.

Этот процесс был мучительным погружением в молчание. Она просто выполняла условие своего выживания.

Когда она поднялась, её тело изменилось. Оно было отягощено не только физически, но и метафизически. Она больше не была той, что спустилась сюда. Та Моника умерла в тот момент, когда поняла, что ей придется жить.

Теперь, ведомая новым, чудовищным запасом сил, она снова поползла. Она не знала, где выход. Она знала только, что она должна его найти, чтобы завершить этот немислимый ритуал. Она двигалась в темноте, и эта темнота теперь была её естественной средой. Она была рождена заново, но её колыбелью был склеп.

Моника ползла сквозь месяцы, которые могли быть днями, или неделями, которые растянулись в вечность. Она перестала бороться с собой. Время перестало существовать. Отвращение стало фоновым шумом, похожим на гул подземных вод. Её существование свелось к примитивному циклу: движение, поглощение, сон.

Она шла на ощупь, полагаясь на слабую, едва заметную тягу воздуха, которая, как она инстинктивно чувствовала, вела вверх. Этот слабый поток воздуха был единственной нитью, связывающей её с миром, где время имело значение.

В один из моментов, когда Моника уже не могла отличить кошмар от реальности, когда ей казалось, что она слышит тихий, осуждающий смех Симоны, она ощутила изменение.

Воздух стал другим. Он был холоднее. И, что самое важное, он двигался. Это было не просто течение, а настоящий, осязаемый ветерок, который нес с собой едва уловимый запах хвои и чего-то минерального, внешнего.

Напрягая глаза, которые уже привыкли к полной темноте, Моника увидела это. Не яркий, ослепляющий луч, а нечто более скромное: слабое, серое мерцание на краю обрыва, куда вел очередной, пугающе узкий лаз.

Это был свет.

В этот момент, когда цель была видна, Моника закричала. Но крик не был радостным. Это был рвущий звук сломанной машины. Она рухнула на колени, тело тряслось, но не от голода или холода, а от осознания. Свет был реальным.

Она поползла к нему. Ползла, как раненое животное, которое инстинктивно ищет выход, но не понимает, что ждет его снаружи.

Встреча с Миром

Путь к свету был последним физическим испытанием. Лаз был узким, он требовал продирались сквозь царапающие корни и острые края камней. Она чувствовала, как её кожа рвется в последний раз, и ей было всё равно.

Когда Моника вывалилась наружу, это было не торжественное явление, а падение. Она оказалась на влажном мху, в окружении гигантских, незнакомых деревьев. Солнце ещё не взошло, но небо на востоке было окрашено в предрассветный, сине-серый цвет.

Первая волна воздуха, наполненного кислородом, ударила в ее легкие, и она закашлялась, выплевывая накопившуюся слизь в горле.

Она видела мир размытым, но в этом размытом мире она видела одно: отсутствие Симоны.

В лучах восходящего солнца, Моника ощутила лишь одну вещь: она больше не была той, кого Симона учила. Она была тем, что выжило, когда умерла мораль. И этот новый рассвет был для неё не началом жизни, а началом вечного, холодного изгнания в мире живых.

ОДЕРЖИМЫЕ

Зима, этот безжалостный палач севера, обрушился на таежный массив не просто с холодом, но с яростью древнего, нечестивого божества. Четыре фигуры, некогда принадлежавшие к миру науки и разума — Ирвин, Мэл, О'Коннелл и Брюн — теперь были лишь тенями, бредущими по вечной мерзлоте. Их миссия, поиск мифического поселения, затерянного в вековых лесах, превратилась в изнурительную агонию.

Ирвин, чья страсть к археологии граничила с фанатизмом, упрямо вел группу, ориентируясь не столько на приборы, сколько на невнятные намеки старинных, полусгнивших карт и сказаний.

«Ориентиры не сходятся, Ирвин», — голос О'Коннелла, картографа, прозвучал как последний вздох. Он держал компас, стрелка которого нервно билась о стекло, будто пытаясь вырваться из проклятого металла. — «Мы вышли из сектора, но этот лес... он не соответствует ни одной топографической отметке».

Ирвин, крупный мужчина с жестким подбородком, окинул взглядом окрестности. Деревья здесь были старше, их ветви сплетались в колючие, черные арки, пропускающие лишь мертвенный свет.

«Плевать на ориентиры, О'Коннелл!» — его голос был хриплым от напряжения, но нес в себе стальной напор. — «Карты — это лишь отражение того, что было. Легенда о Семи Вратах не лжет. Поселение находится на истинном севере. Мы идем туда. Природа испытывает нас, Мэл, не так ли?»

Мэл, антрополог с тонким, вытянутым от усталости лицом, кивнула, но ее глаза выражали глубочайшее сомнение. Она знала, что Ирвин уже не просто ищет руины — он ищет подтверждение собственного величия.

«Испытания требуют отдыха, Ирвин. Солнце сядет через час. Нам не нужен ночной переход в этом лабиринте».

Брюн, самый физически крепкий, но наименее устойчивый в психологическом плане, поддержал Мэл, тяжело опустив рюкзак. Он дрожал, но не только от холода. Он чувствовал, как лес давит на них, как сама земля отказывается пропускать чужаков.

Ирвин сдался лишь после того, как Брюн начал кашлять, сотрясаясь от мороза. Они нашли небольшой овраг, прикрытый еловыми лапами, и разбили примитивный лагерь. Костер, добытый с трудом, казался крохотным островком тепла перед лицом надвигающейся арктической ночи.

«Завтра, на рассвете, мы оценим обстановку и двинемся строго на север», — постановил Ирвин, отрезая последний ломтик вяленого мяса.

Ночь была адом. Ветер выл в вершинах сосен, словно сотни голодных духов, и каждому из них казалось, что его палатка — это слишком тонкий холст, отделяющий его от сурового и беспощадного мира.

Рассвет не принес с собой облегчение, он был ослепительно-белым, словно безжизненное сияние.

Они вышли из лощины и замерли. Лес, который еще вчера был их убежищем и их тюрьмой, внезапно закончился. Не постепенно, не с разреженными участками, а с абсолютной, геометрической точностью.

Перед ними простиралась равнина. Бесконечная, плоская, покрытая толстым панцирем слежавшегося снега и неровными, дюнообразными нагромождениями, которые О'Коннелл тут же окрестил «бурханами». Ни единой ветки, ни единого камня, нарушающего эту белоснежную монотонность.

О«Коннелл развернул свою карту, его лицо покрылось инеем. Он провел пальцем по знакомым контурам, потом перевел взгляд на горизонт.

«Это невозможно. Согласно всем известным данным, в пятидесяти километрах на север от этой широты должен быть сплошной, густой бор. Здесь нет места для этой... пустоши». Он потряс картой, словно надеясь, что бумага искажена.

Ирвин, однако, воспринял это как подтверждение своей правоты. Он был вне себя от лихорадочного возбуждения.

«Именно! Нас вела ложная информация! Эта земля не отмечена, О'Коннелл, потому что она затеряна! Мы на пороге открытия! Север! Только север!»

Мэл смотрела на горизонт, и ее дыхание сбилось. Это было похоже на пейзаж иной планеты. Привычные ориентиры исчезли, а вместе с ними исчезло и чувство реальности.

«Ирвин, мы не можем продолжать слепо. Нам нужен хотя бы ориентир в небе, чтобы сверяться с компасом, но этот снег... он искажает свет. Мы рискуем затеряться окончательно в этой... белой пустыне».

«Риск — это наша профессия!» — отрезал Ирвин.

Спор был короток. Голод и усталость сделали их неспособными к длительному противостоянию. Под давлением фанатичной убежденности Ирвина и общего ступора, они согласились идти дальше на север, используя компас как единственный божественный закон.

Они шли, и каждый шаг на этой безжизненной равнине был актом чистого неповиновения инстинкту самосохранения.

Следующие дни стали мучительным марафоном против энтропии. Холод проникал в костный мозг, заставляя мышцы деревенеть. Их рацион, ранее скудный, сократился до граммов, распределяемых Ирвином.

Он держал запасы в своем рюкзаке, и его глаза становились все более узкими и подозрительными. Он никогда не ел сам, пока не убеждался, что остальные получили свою долю, но его доля всегда была большей, чем положено.

К концу шестого дня, когда последняя банка консервированной пасты была разделена на четыре микроскопические порции, спор вспыхнул с новой, отчаянной силой.

Мэл, которая до этого молчала, наблюдая, как Ирвин все больше отстраняется от группы, обращаясь лишь к карте и горизонту, первой бросила вызов.

«Хватит, Ирвин. Мы больше не можем. Рацион закончен. У нас осталось две фляги воды, и те на грани замерзания. Мы должны вернуться к лесу».

«Назад?» Ирвин вскипел. Он выглядел изможденным, но его энергия была искусственной, подпитываемой навязчивой идеей. «Назад — это смерть. Вы хотите отступить, когда Поселение уже ждет нас? Вы трусы!»

«Я хочу жить, Ирвин! Я не хочу стать частью твоей безумной легенды!» — ответила Мэл, и ее голос дрогнул.

О«Коннелл, обессиленный, попытался выступить медиатором. «Ирвин, посмотри на нас. Мы не можем идти дальше без ресурсов. Мы должны переждать бурю или хотя бы вернуться в хоть какую-то зону укрытия».

Но Брюн, который страдал от самой сильной гипоксии и голода, внезапно встал на сторону лидера. Он был сломлен и искал любую структуру, чтобы избежать принятия собственного решения.

«Он прав. Мы прошли так далеко. Поворот сейчас — это гарантированный провал. Может быть, в Поселении есть что-то... хранилища. Мы должны верить в Ирвина, иначе зачем мы вообще сюда пришли?»

Недоверие и страх боролись с первобытным инстинктом выживания. В итоге, победил страх. Они решили продолжать движение на север. Но условие было одно: они должны двигаться, пока последний человек не упадет.

Наступил момент, когда даже самая упрямая воля не могла игнорировать физиологию. Еда закончилась. И что еще хуже — вокруг не было ни сухостоя, ни даже мерзлой коры. Вокруг была только чистая, ледяная пустыня.

Ирвин, чья одержимость достигла своего апогея, молча достал оставшиеся фляги, наполненные водой, которая уже превратилась в полузамерзшую кашу.

«Вода», — сказал он, и в этом слове не было надежды, только констатация факта.

«Как мы ее растопим?» — прошептала Мэл.

Ирвин, окинув группу ледяным взглядом, извлек из рюкзака четыре металлических фляги. Он демонстративно отвинтил крышку своей, сделал последний глоток ледяной воды, а затем набрал во флягу снег и засунул её под свою куртку, прижав ее к груди, прямо к сердцу.

«Тепло тела. Это самый доступный ресурс. Каждый из вас делает то же самое. Мы будем греть нашу воду своим существованием. Если не выдержите — значит, вы уже мертвы».

Этот акт был символом их падения. Они стали живыми грелками для собственной фляги. О'Коннелл и Брюн последовали его примеру, с болезненным усилием прижимая фляги к телу. Мэл делала это с отвращением, чувствуя, как собственное тело начинает отдавать последнее тепло, чтобы питать будущую жажду.

К концу дня, когда они едва смогли натянуть палатки, обессиленные до состояния кататонии, стало ясно: они не протянут больше двух дней без еды.

Ирвин, казалось, излучал странное, искаженное здоровье. Его глаза были лихорадочно блестящими. Он смотрел на Мэл с растущим, нездоровым интересом.

Ночью Мэл не могла спать. Холод был всепроникающим, но ее будоражил жар, исходящий от Ирвина, лежавшего в нескольких дюймах от нее. Она решила, что должна действовать, пока разум еще не покинул ее окончательно.

«Ирвин...»

Его тело было жестким, как лед. Он не двигался.

«Ирвин, я знаю, что ты не спишь. Нам нужно поговорить. Мы на грани, ты понимаешь? Мы должны развернуться. Если мы продолжим, мы умрем, и твое Поселение останется незамеченным. Пожалуйста, давай вернемся, пока мы можем двигаться...»

Она говорила в пустоту. Ирвин лежал, не демонстрируя ни малейшего признака жизни или реакции. Лишь медленное, ровное дыхание, которое было пугающе тихим.

Мэл отступила, прижавшись к холодной стенке палатки. Она была слишком истощена, чтобы бороться с ним в словах, и слишком напугана, чтобы бежать. Она закрыла глаза в надежде на короткое забвение.

Через несколько часов сон прервал короткий, но громкий крик. О'Коннелл и Брюн, разбуженные этим звуком, вскочили в палатку Ирвина и Мэл, их движения были инстинктивными, вызванными паникой.

Они увидели Ирвина.

В свете фонаря его лицо было перемазано. Он сидел, слегка нагнувшись, а его руки, сильные и ловкие, совершали отвратительную работу. Мэл лежала неподвижно, ее глаза были широко открыты и пусты.

О'Коннелл не издал ни звука, его мозг отказал в обработке увиденного. Это было вне категорий человеческого опыта.

Ирвин поднял голову. На его губах и подбородке блестели алые капли. Он посмотрел на них с полным отсутствием стыда, с холодной, хищной логикой.

«Присоединяйтесь», — прохрипел он. Это был не приказ, а ультиматум выживания, подкрепленный первым актом каннибализма. «Иначе вы умрете от голода. Жертва должна послужить цели».

Брюн, чье тело уже несколько дней жило на истощенных резервах, задохнулся от ужаса, но затем его лицо исказилось от судороги голода. Ирвин, пожирающий Мэл, казался ему не

монстром, а невероятно эффективным. В этом белом, безжалостном аду, где законы цивилизации были стерты, акт Ирвина казался ужасно, неотвратимо логичным.

«Он прав», — прохрипел Брюн, его язык казался шершавым от обезвоживания. Он сделал шаг вперед. Он смотрел на кусок, который держал Ирвин, и его желудок свело так сильно, что он упал на колени. Он не мог этого вынести, но не мог и отказаться. Если он умрет, Мэл умерла напрасно.

«Прости, Мэл», — прошептал Брюн, подползая к насыпи.

О'Коннелл отпрянул, как от удара плетью. Его мир рухнул. Он не мог дышать. Он видел в этом акте предательство не только человечности, но и всего, ради чего они жили — ради знания, ради научного поиска. Его собственный голод был невыносим, но мысль о том, чтобы стать тем, кто осквернит тело товарища, была несовместима с самим его сознанием.

Он отшатнулся, не издавая звука, и ушёл в свою палатку. Он застегнул молнию и прижался спиной к ледяной земле. Его трясло. Ужас перед Ирвином, ужас перед Брюном и ужас перед собственным телом, которое требовало пищи, боролись внутри него. Я не зверь. Эта мысль была его последним бастионом.

Через мучительное время в его палатку зашел Брюн. Он держал кусок мяса, заворачивая его в замерзший рукав.

«О'Коннелл, ты должен поесть. Это последнее, что осталось от нее. Ты не можешь позволить ей умереть зря. Иначе ты умрёшь. И тогда Ирвин...» — Брюн не договорил, но угроза была ясна.

«Убейся!» — выдохнул О'Коннелл.

Брюн посмотрел на него с усталым, почти жалостливым отчаянием. Он положил сверток на снег рядом с О'Коннеллом и вышел, оставив его наедине с запахом и собственным нравственным выбором.

Утро пришло, неся с собой яростный мороз, который, казалось, пытался заморозить воспоминания.

Ирвин и Брюн собрали снаряжение. Они общались тихо, избегая взгляда О'Коннелла. Их поведение было ошеломляюще нормальным, если не считать мрачной, скрытой энергии, исходящей от них двоих. Они оба были теперь связаны кровью и запятнаны.

О'Коннелл не притронулся к еде, оставленной Брюном. Он чувствовал себя отравленным, даже не касаясь ее. Он был напуган до оцепенения, его сознание постоянно прокручивало сцену в палатке. Теперь он знал, что не просто спутник; он был потенциальным продовольственным складом для Ирвина.

Они снова тронулись на север. Ирвин шел впереди, Брюн замыкал шествие, а О'Коннелл держался на расстоянии.

В ту ночь О'Коннелл спал в одиночестве. Он ждал, что Ирвин придет за ним, но ничего не произошло. Ирвин и Брюн, казалось, отдыхали в своей общей, мрачной уверенности.

Утром, когда они продолжили путь, О'Коннелл чувствовал себя странно — его голод, хоть и мучительный, был приглушен нервным истощением. Он был жив, но его душа словно умерла из-за бездействия по отношению к совершённому преступлению.

Они шли, ведомые компасом и одержимостью Ирвина. Расстояние перестало иметь значение; существовало лишь движение вперед.

На следующий день, когда О'Коннелл уже начал подозревать, что и сам понемногу сходит с ума, Ирвин внезапно замер. Он стоял, совершенно неподвижный, его тело напряглось, как тетива лука.

«Смотрите!» — этот возглас был пронзительным криком триумфатора.

Ирвин указал дрожащей рукой на горизонт.

«Это оно. Потерянное Поселение. Седьмые Врата! Я знал!» — Ирвин повернулся к ним, его глаза сияли нездоровым счастьем, очищенным от всякого сомнения.

Брюн, казалось, пережил короткий, судорожный припадок облегчения. Он смотрел на Ирвина, ища подтверждения того, что их преступление имело высший смысл.

О«Коннелл, ведомый последними крупными воли, сделал несколько шагов вперед. Его ноги отказывались слушаться, но образ конечной цели был сильнее страха. Он должен был увидеть, что именно стоило жизни Мэл.

Ирвин рванул вперед к руинам, оставляя товарищей позади. Он бежал, и его силуэт, маленький на фоне огромного белого пространства, выглядел одновременно героически и трагически.

Это не были величественные города или скрытые храмы, которые Ирвин рисовал в своем воображении. Это были остатки примитивных каменных строений, сложенных из черного, обсидианоподобного камня, которые едва выступали из вековых наносов снега. Они были погребены под тишиной, которая была старше всей известной человеческой истории.

Ирвин остановился посреди небольшого, замкнутого каменным кольцом пространства. Он огляделся, его губы растянулись в широкой, безмятежной улыбке.

«Мы здесь», — закричал он во весь голос, словно обращаясь к давно умершим духам. «Мы достигли. Все испытания пройдены». В его голосе не было ни усталости, ни страха, ни, что самое пугающее, какого-либо намёка на сожаление о том, что произошло ранее.

О«Коннелл замер в недоумении, смотря на Ирвина, который стоял посреди белоснежной пустоты и вопил. Его одержимость окончательно свела его с ума.

СЕВЕРНЫЙ ПРЕДЕЛ

Здесь, где мир сжимался до чёрного силуэта сосны на фоне бездонной белой тишины, сама жизнь становилась актом сопротивления. Северный Предел не был местом для слабых. Он был границей, за которой земля забывала о человеческом тепле, и лишь крепкие сердца и крепкие топоры позволяли дотянуть до весны. Харис и Лу знали цену этому выживанию лучше, чем кто-либо другой.

Деревня не имела названия на картах, кроме того, которое ей дали сами жители — название, отражающее их отчаянное положение. Каждый дом был приземист, приземист до состояния почти укрытия, с двойными окнами и тяжелыми, обитыми войлоком дверями, призванными держать оборону против ветра, который здесь называли «Дыханием Белого Дракона».

В самом сердце поселения стоял дом Хариса и Лу. Внутри царил упорядоченная, строгая тишина, прерываемая лишь потрескиванием ольховых поленьев в печи-каменке.

Харис, мужчина тридцати пяти лет, сидел у стола, прислонив к стене карабин. Его руки, грубые и узловатые, привычно держали тонкую тряпицу для полировки металла. Его взгляд, казалось, всегда фиксировался на чем-то очень далеком, на краю видимости, там, где свет сменялся непроницаемой тьмой. Он был егерем, и лес, его враг и кормилец, отпечатал свою мету на его лице — жесткие скулы, глубокие морщины у глаз, ставшие естественной маской.

Лу, его жена, двадцати девяти лет, сидела напротив. Она была контрастом ему: более гибкая, с волосами цвета темного меда, которые она обычно туго заплетала в косу. Сейчас она занималась перешивкой подкладки старого тулупа. Лу ценила ритуал: порядок в быту для нее был единственным барьером между цивилизацией и хаосом, который жил за стенами.

«Завтра, Харис, мне нужно, чтобы ты проверил западные силки. Звери идут осторожнее,» — сказала Лу, ее голос был низким и мелодичным, но лишенным излишней сентиментальности.

Харис кивнул, не отрываясь от карабина. «Управлюсь до полудня. А потом нужно свежевать оленя. Зима не будет ждать.»

«Она никогда не ждет,» — тихо ответила Лу, и в этот момент их совместная жизнь, сотканная из молчаливого согласия и взаимозависимости, была очевидна: он — щит, она — кров.

Внезапно, этот устоявшийся порядок был разорван.

Дверь их дома с грохотом отворилась. На пороге стоял Йонас, старик, который обычно не выходил из дома без крайней нужды. Его лицо было белым как снег, а изо рта валил пар.

«Митчел!» — выдохнул Йонас. «Его... его нет! Он вышел с рассветом за дровами, должен был вернуться к обеду! Солнце село, а его нет!»

Митчел, сын Анжелики — матери-одиночки из дома напротив, был известен своей нерасторопностью. Но даже он никогда не задерживался до темноты.

Харис взглянул на Лу. В ее глазах он увидел не страх за себя, а гнев, смешанный с предчувствием.

«Собирайся, Лу,» — сказал Харис, уже надевая тулуп.

Спустя полчаса, когда лунный свет лишь едва пробивался сквозь начинающуюся снежную завесу, вся активная часть Северного Предела собралась на главной дороге. Десять мужчин, три женщины (включая Лу), вооруженные топорами, вилами и несколькими охотничьими ружьями.

Харис взял на себя командование. Его голос был низким, но каждый звук его был ясным и повелительным.

«Метель наступает. Мы разделимся на пары и будем прочесывать периметр, двигаясь по радиусу от дома Анжелики. Если найдете хоть что-то — немедленно возвращайтесь. Никаких геройств.»

Лу подошла к мужу, ее лицо было скрыто плотным шарфом, но он почувствовал ее решимость.

«Я иду с тобой, Харис.»

Харис колебался лишь секунду. Он знал ее упрямство, и знал, что оставить ее одну в этот час еще опаснее.

«Хорошо. Держись ближе, Лу. Если я скажу бежать — беги, не оглядываясь.»

Они вошли в лес. Лес встретил их холодной яростью.

Метель усиливалась с угрожающей скоростью, превращая поиски в акт бессмысленного отчаяния. Снег падал — плотные, ледяные хлопья, гонимые вихрем, стирали все ориентиры.

Харис и Лу шли, пробиваясь через густой подлесок. Он светил фонарем, луч которого мгновенно терял свою силу в этом белом мареве.

«Митчел!» — кричал Харис, и его голос тут же уносил ветром, он звучал жалко и отдаленно.

Лу шла за ним, инстинктивно пригибаясь, чтобы уменьшить сопротивление ветра. Она пыталась взглянуть вниз, выискивая следы на белом фоне.

«Следов нет, Харис!» — перекричала она, когда они оказались у старого поваленного кедра, который они считали ориентиром.

«Он не мог уйти так далеко,» — пробормотал он, скорее для себя. — «Он не мог. Если бы он потерялся, он бы искал навес.»

Он светил фонарем по кругу. В этом мертвом белом свете казалось, что они одни во вселенной. Все остальные искатели давно отступили, поняв тщетность миссии при такой погоде.

«Мы должны остановиться,» — сказала Лу, и в ее голосе впервые прозвучала усталость, граничащая с отчаянием. Ее губы были синими, несмотря на шарф. — «Мы замерзнем сами, и не найдем его. Мы не сможем помочь матери Анжелике, если ляжем здесь мертвыми.»

Харис посмотрел на нее. Ее стойкость всегда была его якорем, но сейчас якорь был под угрозой распада. Его собственное тело начало реагировать на стужу — пальцы не слушались, а мысли замедлялись.

«Хорошо,» — согласился он, его голос был хриплым.

Они вернулись в деревню в полном молчании. Их появление было встречено не радостью, а тягостным ожиданием. Митчел так и не был найден.

На второй день поиски возобновились с утроенной яростью, но теперь они были более организованными. Старейшины поняли, что просто прочесывать окрестности бесполезно.

«Мы разделимся по секторам,» — объявил старый Томас. — «Каждый берет свой сектор и идет до конца, до знакомых ориентиров. Без возвращения, пока не достигнете границы или не найдете что-то.»

Харис настоял на самом отдаленном и опасном секторе — на востоке, в сторону места, которое они называли «Плато Забвения»: огромной плоской области, где лес внезапно обрывался, и за ним до самого горизонта простиралась лишь снежная пустыня.

Лу не стала проситься пойти с ним. Ей нужно было остаться с Анжеликой, чтобы поддержать свою подругу.

Харис взял санки, привязав к ним запас провизии и веревку. Он шел один. Снег был глубоким, и каждый шаг требовал усилий, но отсутствие метели позволяло ему сосредоточиться.

Он шел несколько часов и оказался на краю огромного, ослепительно белого плато, где дул постоянный, ровный ветер, выдувающий снег до твердой корки. Это было место, лишенное жизни.

Именно там, на границе белого ужаса и темного леса, он увидел это.

Едва заметный, холодный блик. Он поймал его периферийным зрением. Это был не ледяной отблеск солнца на кристаллическом снегу. Это был фокус света, направленный, искусственный.

Харис притормозил, его рука легла на рукоять ножа. Он двинулся прямо на этот блик.

Когда он приблизился достаточно, чтобы различить форму, его сердце ударило с большой силой.

Там лежал человек. Взрослый мужчина, лежащий на животе. Он был одет в высокотехнологичную, ярко-оранжевую полярную экипировку, предназначенную для арктических экспедиций. На нем были массивные, профессиональные очки-маска, которые и отражали свет.

Харис медленно подошел. Он ожидал увидеть жертву несчастного случая, заблудившегося исследователя. Но вид застывшей крови на белом фоне был слишком убедителен. Это было убийство.

Кровь была густой, замерзшей, ее было слишком много. Она образовала темный, жуткий узор на девственно чистом снегу. Что странно вокруг тела не было следов.

Харис подошел ближе. Он увидел, что лицо мужчины скрыто под очками, но шея и плечи были разорваны.

«Черт. Может медведь постарался,» — выдохнул Харис.

Он понял, что его долг егеря сменился на долг перед неизвестным человеком. Он не мог оставить тело здесь на съедение диким животным.

Харис быстро вернулся к саням. Он достал веревку и приготовился к тяжелой работе. Перетащить взрослого мужчину в полной экипировке на несколько десятков километров через рыхлый снег — это задача, которая выжмет из него остатки сил. Но он должен был это сделать до того, как вернется тот, кто это сотворил.

С невероятным усилием, Харис сумел привязать тело к саням. Он тянул их назад, возвращаясь тем же путем, но его тело уже было на пределе. Снег казался теперь вязким, а воздух — тяжелым.

Добравшись до края леса, он бросил сани, упав на колени. Он не мог тащить их дальше в деревню в одиночку.

Он побежал в деревню.

Прибыв, Харис, едва переводя дыхание, доложил о находке. Его рассказ о профессиональном полярнике, убитом с невероятной жестокостью, потряс даже закаленных жителей.

«Полиция прибудет, как только метель стихнет, Харис,» — заключил старейшина, покачивая головой. — «Ты сделал все, что мог. Оставь тело до утра. Теперь ты должен отдохнуть.»

Харис кивнул. Он знал, что зверь вернется за своей добычей. И он знал, что не простит себе, если этого человека съедят дикие животные.

Лу стояла рядом с ним, прижимаясь к нему. «Главное, что ты нашёл его, Харис. Теперь дай силам восстановиться.»

«Я не могу ждать,» — прошептал он, глядя в темноту за окном. — «А если это был не зверь, а человек! Он знает, что мы здесь.»

Ближе к рассвету, когда за окном ещё была темнота, Харис принял решение. Он сказал Лу, что собирается перевезти тело в деревню.

Взяв заряженный пистолет с шестью патронами и одевшись теплее, он снова вышел на плато.

Снег прекратился. Солнце медленно всходило над белой пустошью, делая пейзаж ослепительно враждебным.

Харис достиг места. Сани были на месте. Но на санях не было ничего, кроме веревки.

Труп исчез.

Харис почувствовал ледяной холод, который не имел ничего общего с температурой воздуха. Это был страх, пронизывающий самую душу. Никакой хищник не смог бы утащить тяжелую, одетого в зимнюю форму, тушу так далеко, не оставив и следа волочения.

Он подбежал к тому месту, где лежало тело. Кровь была там, застывшая, но она была окружена. Едва заметными, прерывистыми отпечатками. Они были неглубокими, но широкими. словно кто-то не волочил, а нес тело.

Он шел по этим едва различимым следам, которые через несколько сотен метров вывели его обратно в лес. Здесь следы становились чуть более четкими, так как снег был здесь более рыхлым. Он шел, как замороженный, его разум отказывался принимать реальность происходящего.

Пройдя, около двух километров вглубь, Харис заметил, что следы стали исчезать на снегу и проявляться на стволах деревьев. Длинные, глубокие борозды, будто кора сдиралась с невероятной силой.

Следы привели его к подножию скального выступа, где деревья росли так густо, что их ветви образовывали сплошной навес. Среди корней старой, поваленной ели зиял вход в темноту. Пещера.

Харис остановился перед входом. Снизу тянуло теплом и влажным, гниlostным запахом. Он знал, что стоит ему войти, он покидает мир людей. Он достал пистолет, проверил магазин. Шесть патронов против того, что способно было унести труп полярника.

«Если это зверь, то он большой, голодный и злой,» — прошептал он.

Харис включил фонарик на своем телефоне. Свет был слабым, желтым пятном, которое едва проникало в пещеру. Он осторожно протиснулся сквозь узкий лаз.

Внутри было просторно, стены были испещрены десятками отверстий — узких, низких тоннелей, уходящих вглубь земли.

Едва он сделал шаг, как его фонарик выхватил картину, которая заставила его тело онеметь, прежде чем ужас смог проникнуть в мозг.

У одной из стен лежало растерзанное тело без головы, всё тело было обглоданно. Он узнал ботинки и рубашку, это был пропавший мальчик Митчел.

Харис, видел смерть сотни раз, но это было... ужасающе.

Вместо того чтобы развернуться, он заставил себя идти дальше. Он должен был знать, что стоит за этим.

Пройдя пару десятков метров вглубь, в свете фонаря он обнаружил второй труп, прижатый к стене. Это был мужчина в оранжевой куртке.

Харис приблизился к трупу. На оранжевой куртке он смог разобрать выцветшее имя: О'Коннелл.

Харис осознал, что это не просто логово хищника. Это было место разделки. Он должен был бежать. Он должен был собрать охотников и вооружить деревню.

Он резко развернулся и бросился к узкому лазу, ведущему наружу.

Когда он почти выполз, сзади что-то схватило его мёртвой хваткой за правую ногу.

Хватка была невероятной. Холодной, сильной, точно блокируя возможность вырваться. Он отчаянно хватался за неровную поверхность снега снаружи, но его тянуло обратно.

В этот момент разум взял верх над эмоциями. Он вспомнил о пистолете.

Одной рукой, пытаясь удержаться, а второй достав пистолет и направив его в темноту, где ощущал хватку. Он нажал на курок.

Выстрел оглушил его. Отдача ударила по руке. Он почувствовал, что пуля попала. Но хватка не дрогнула. Наоборот, она стала яростной, словно существо было не ранено, а лишь разозленной.

Тут же Хариса с огромной силой затянуло внутрь.

Из глубины пещеры раздались ещё два выстрела и затем — наступила та самая, зловещая, всепоглощающая тишина Северного Предела.

ЛИК ПРОКЛЯТЫХ

Северный Предел не имел официального названия на картах, но для его немногочисленных обитателей это было единственным именем, которое имело вес. Сюда не добиралась цивилизация, лишь редкие грузовики с припасами, если позволяла погода.

Пять дней прошло с того момента, как на обледеневшую, гудящую от ветра телефонную линию поступил сигнал от местных жителей. Сообщение было обрывчатым, полным паники, о «трупe на краю леса». Но Северный Предел ушел в добровольную изоляцию: снежная буря такой силы, что местные старожилы не помнили подобного, запечатала дорогу, превратив перевал в непроходимую стену белого хаоса.

Детектив Дюран, тридцати шести лет, с лицом, отточенным годами работы в суровых северных участках, управлял снегоходом, наблюдая, как последний порыв ветра сбрасывает снежную шапку с верхушки ели. Рядом, вжавшись в сиденье, сидел Коппер, его двадцатисемилетний напарник, чья нетерпеливость всегда контрастировала с выдержкой Дюрана.

«Пять дней, Коппер. Пять дней, как нашли труп, а мы только сейчас смогли выдвинуться,» — голос Дюрана был низким и ровным, но в нем звучала стальная укоризна по отношению к стихии.

«Метель была как стена, Дюран. Ничего нельзя было сделать, но теперь, мы точно доберемся. Я чувствую это», — Коппер поежился, поправляя воротник куртки.

Они пробились сквозь последний затор снега, и деревня явилась их взору — не более дюжины почерневших от времени построек. Сойдя со снегохода, они тут же ощутили враждебность атмосферы. Их встречали не с облегчением, а с настороженным любопытством.

Первой, кто приблизился, была женщина средних лет.

«Вы прибыли, наконец. Мой Митчел... мой сын... он пропал. Ушел за дровами и так и не...» — ее голос дрогнул, и она не договорила, вцепившись в рукав Коппера.

Едва Дюран успел записать имя подростка, как из другой двери вышла женщина. Она представилась Лу.

«Мой муж, Харис. Он нашел тело. Он ушёл 4 дня назад, но он не вернулся,» — Лу говорила тихо, но твердо, словно обдумывая каждое слово, чтобы не выдать лишнего страха.

Дюран кивнул, чувствуя, как сердце сжимается у него в груди.

Их пригласили в дом Лу, который был на удивление теплым, окутанным запахом сухих трав. Пока они пили травяной чай, Дюран разложил на столе карту, вытащенную из снегохода.

«Лу, ваш муж оставил вам какие-то приметы о месте, где он нашел тело?» — спросил он, игнорируя попытки Коппера наладить разговор о погоде.

«Он описал это место. Оно далеко, на границе старых кедровых рощ, там, где земля... меняется. Мы с Харисом молодые много лет там бродили. Это наше место силы, наш оазис тишины. Он сказал, что тело лежало там.»

Спустя полчаса, когда чай остыл, Дюран принял решение.

«Мы идем туда. Сейчас же. Коппер, снаряжение.»

Лу, без лишних слов, натянула толстую меховую куртку.

«Я пойду с вами. Я покажу вам дорогу.»

Они оделись, взяв с собой мощные фонари и ружья. Выйдя из дома, они ступили в мир ослепительного, но тихого холода.

Лу вела уверенно. Они миновали границу деревни, и лес сомкнулся над ними, поглощая последние отголоски человеческого присутствия. Она двигалась по памяти, срезая углы там, где, по ее словам, Харис всегда срезал. Она рассказывала о временах, когда этот лес был их убежищем, местом, где они могли дышать свободно, не боясь никого.

Через тридцать минут напряженного движения, когда снег под ногами уже стал неровным и глубоким, Лу остановилась и увидела сани Хариса.

«Вот здесь. Мы на краю леса, а это его сани. Он сказал, что тело привязал к саням и на следующее утро пошёл сюда, чтобы привезти труп в деревню. Он не хотел оставлять человека на съедение диким животным.»

Дюран и Коппер начали методично прочесывать местность. Снег был свежим, так, что все казалось однородным белым покровом.

Дюран осмотрелся. Ни трупа, ни признаков борьбы, ни следов волочения, ни отпечатков обуви Хариса.

Они разделились на короткий радиус, но сильный ветер и свежий снегопад стерли любые следы. Ничего.

После часа тщетных поисков, они решили вернуться.

«Мы ничего не найдем, пока не обнаружим хотя бы одну зацепку,» — заключил Дюран. Вернувшись в дом Лу, они стряхнули с себя иней и ледяной ужас.

Вечером, когда одинокие огни деревни казались такими хрупкими в объятиях ночи, Дюран принял решение.

«Коппер, мы не справимся вдвоем. Нам нужна помощь. Завтра мы должны собрать всех жителей. Они знают этот лес лучше нас.»

Коппер кивнул.

Ночью Дюран сидел у окна, глядя на сгущающуюся тьму. Он перебирал варианты: нападение хищника? Медведь, вероятно, утащил бы тело в берлогу, но почему оставил тело и только потом утащил. Психопат? В этом месте? На краю света? Это казалось наименее вероятным. И куда делся Харис, взрослый и вооружённый мужчина? Неужели он не мог дать отпор хищнику или психопату?

Коппер, напротив, спал крепким сном, видимо, истощенный дорогой.

Дюран закрыл глаза, пытаясь упорядочить хаос. Завтра они прочесут окрестности с толпой, найдут Митчела, найдут Хариса или хотя бы труп того неизвестного мужчины. Он должен был найти логическую нить.

Глубокая ночь поглотила деревню. Внезапно, тишину разорвал пронзительный, неестественно высокий крик. Звук был настолько чужд пейзажу, что Дюран вскочил, прежде чем осознал действие. Пистолет, лежавший на столе, мгновенно оказался в его руке. Он резко толкнул Коппера в бок, который вскочил, сбив стул.

«Вставай! Одевайся! Живо!» — скомандовал Дюран, уже натягивая сапоги.

Коппер, мгновенно сбросив остатки сна, подчинился. Через минуту они были готовы, их фонари рвали темноту, пока они мчались по скрипучему снегу, направляясь к источнику звука — самому дальнему дому.

Подбегая, вдалеке они увидели нечто, в тусклом свете месяца, слабо пробивающемся сквозь редкие облака, огромное существо,двигающееся с жуткой грацией, волокло по снегу женщину. Это было нечто чёрное, издалека напоминающее очень крупного медведя. Его конечность, похожая на лапу с толстыми когтями, крепко держала жертву. Женщина кричала, ее голос срывался от ужаса, пытаясь разбудить остальных.

В окнах домов напротив виднелись испуганные, неподвижные лица — люди боялись выйти.

Коппер, инстинктивно, поднял ружье и открыл огонь. Глухие, пронзительные звуки выстрелов разрезали морозный воздух. Дюран присоединился, целясь в туловища существа. Десяток пуль угодили в цель, заставив тварь отступить. Существо отпустило женщину и, не издав ни звука, с поразительной скоростью рванула в гущу черного леса.

Дюран бросился к жертве. Он поднял ее на руки — она была на удивление легка. Коппер прикрывал тыл, его дыхание вырывалось паром.

Они занесли ее в дом, заперли дверь. Женщина билась в истерике, не в силах связать слова. Нога ее была повреждена, из раны сочилась темная, густая кровь.

Пока Коппер выбежал за аптечкой, Дюран присел рядом, стараясь говорить максимально успокаивающе. Когда шок немного отступил, он задал единственный вопрос, который имел значение:

«Что это было? Медведь? Говорите!»

Женщина, задыхаясь, посмотрела на него глазами, полными абсолютного ужаса, и прохрипела: «Нет... не медведь. Я... я никогда такого не видела. Оно... оно огромное. Глаза... пустые, желтые... нет носа, нет губ. А когти... как копыта...»

Дюран замер, его разум, привыкший к каталогизации улик, столкнулся с полным отсутствием категории для описанного чудовища. Желтые, пустые глаза. Отсутствие носа и губ. Эти детали не вязались ни с одним известным ему хищником Севера. Он попытался мысленно перебрать виды: россомаха, рысь, но ничто не подходило под этот жуткий портрет. Возможно, это был лишь побочный эффект крайнего стресса и шока, исказивший восприятие жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.